

П. Н. БАЗАНОВ

ПРОФЕССОР Н.Е. АНДРЕЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В статье реконструируются вехи жизни и основные направления творчества выдающегося историка и литературоведа русской эмиграции Николая Ефремовича Андреев, впервые приводятся уникальные сведения из Бахметевского архива. Особое внимание обращено на исторические и культурологические работы Н.Е. Андреева и его вклад в историю эмиграции. Показано влияние трудов Н.Е. Андреева на современную науку, доказывается, что они являются актуальным историческим знанием.

Ключевые слова: Н.Е. Андреев, русская эмиграция, история, институт Кондакова

Доктор Карлова университета, директор Кондаковского института, профессор Кембриджского университета Николай Ефремович Андреев (1908–1982) менее известен, чем многие его современники в Русском Зарубежье. Вместе с тем, его жизнь и творчество достойны детального изучения. Биография историка порой напоминает захватывающий приключенческий роман: родился в России, бежал с родителями и армией Н.Н. Юденича в Эстонию, учился в Таллине и Праге, стал известным ученым, пережил немецкую оккупацию и советский арест, сумел выехать в Великобританию и преподавал в Кембриджском университете.

Н.Е. Андреев родился в 1908 г. в селе Ржевка (ныне район Санкт-Петербурга). В конце 1919 г. его родители вынуждены бежать с Северо-Западной армией в Эстонию. Семья Андреевых чудом пережила ужасы эвакуации и поселилась в Таллине. Коля Андреев поступил в знаменитую Русскую городскую гимназию и уже в школьные годы начал публиковать критические статьи по литературе в местной прессе.

После окончания с отличием гимназии Андреев решает стать историком и поступает в 1927 г. на философский факультет Карлова университета в Праге. Его преподавателями были известные историки и филологи: А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, В.А. Францев, С.И. Гессен, Л. Нидерле и мн. др. На втором курсе талантливый студент получает личную стипендию президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Одновременно его судьба оказалась связана с “*Seminarium Kondakovianum*” (затем «Институт им. Н.П. Кондакова»). После окончания университета, под влиянием сотрудников Семинариума, русских ученых Н.П. Толля, А.П. Калитинского, Г.А. Острогорского, Н.М. Беляева и Д.А. Расовского, Андреев начинает работать над первым научным исследованием – диссертацией «О деле дьяка Висковатого», как литературном и идейном явлении»¹.

¹ Опул. под назв.: О «Деле дьяка Висковатого». – Андреев 1932.

В начале 1930-х гг. в целом сложились научные интересы молодого ученого, связанные с историей России XVI в., в частности периода правления Ивана Грозного, историей псковской земли и иконоведением. В пражский период академической карьеры Н.Е. Андреев проделал путь от библиотекаря, затем секретаря «Института Кондакова» до поста его директора в 1939–1945 гг. В трудах института выходят его самые известные научные работы: «Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства», «Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании», «Иван Грозный и иконопись XVI века»² и др.

В обстановке «Русской Праги» – синтеза политической, философской, литературной и научной мысли и поиска – Андреев не оставался чисто академическим, кабинетным ученым историком. Он – активный участник собраний пражской литературной группы «Скит». Возвращаясь периодически в Таллин к родителям, Николай Ефремович выступал с лекциями по литературе и истории России, печорского края. В Печорах он неоднократно бывал с историко-этнографическими экспедициями. В начале 1930-х гг. Андреев – основатель и постоянный автор литературно-художественного сборника «Новь» (Таллин), печатался в ведущих эмигрантских периодических изданиях «Воля России», «Числа», «Знамя России» и др. Одним из первых он оценил талант молодого тогда писателя В.В. Набокова-Сирина³. Молодой историк, так и не став членом ни одной из многочисленных политических организаций Русского Зарубежья, хотя некоторые из его статей в русских эмигрантских газетах носили четко выдержанный антибольшевистский характер. При этом во многом иронически относясь к политическому экстремизму и доктринерству эмигрантов, он порой даже бравировал либерализмом и беспартийностью, но обозначал свою общественную позицию так «...мы все были русские националисты, мы все были патриоты ...»⁴.

Новый период начался в жизни 37-летнего Н.Е. Андреева после окончания Второй мировой войны. Он пишет 2 ноября 1948 г. известному общественному деятелю В.М. Зензинову: «в мае 1945 г. был арестован органами Красной армии и 27 месяцев провел в заключении («предварительные следствия») в сов. лагерях и тюрьмах сов. оккупационной армии в Германии. В конце концов выяснилась полная моя политическая невиновность, меня освободили с путевкой в Чехословакию, «домой» (в Праге я жил уже 18 лет), но она республика до сего дня не соблаговолила даже дать мне ответ на мои отношения о разрешении въезда. Я жил много месяцев в Берлине. Тем временем, я получил приглашение (на год) лекторства по истории России и истории русской ли-

² Андреев 1935; 1936; 1938.

³ Андреев 1930. С. 6.

⁴ Андреев 1996. С. 292.

тературы в Славянском отделении Кембриджского университета. Британцы вывезли меня на самолете из Берлина и некоторое время я жил в Британской зоне, а затем улетел в Англию и сейчас читаю два курса и веду семинары в Кембридже⁵. В том же письме он вспоминает, как виделся в июне 1945 г. в предварительном заключении с С.П. Постниковым, сидел вместе с лидером евразийцев П.Н. Савицким, которому потом помогал материально и с помощью Б. Рассела, способствовал освобождению из вострого заключения. Едва вырвавшись из тюрьмы, Андреев просил экстренной помощи у Зензинова для своих знакомых – поэта Ю.П. Иваска, художника Е.Е. Климова и философа С.А. Левицкого, оказавшихся в конце 1940-х гг. в лагерях для перемещенных лиц⁶. По отзывам современников Н.Е. Андреев всегда характеризовался как добрый и очень отзывчивый человек. Эти его качества сильно помогли соотечественникам, которые оказались после войны в дипийских лагерях в Германии под угрозой репатриации и реального заключения в СССР.

Основным местом работы английского периода жизни для Андреева стал Кембридж. В 1955 г. его выбрали членом колледжа Св. Марии Магдалины, в 1968 г. действительным членом Клэр Холл, а в 1973 г. он получил заслуженное назначение *ad hominem* (личное) экстраординарного профессора славяноведения, пока не ушел в официальную отставку в 1975 г. Андреев также читал курс лекций по русской истории в Лондонском университете. Научные и педагогические контакты связывали его и с Оксфордским, Эдинбургским, Восточной Англии, Даремским, Манчестерским, Ноттингемским и другими университетами Англии. Историк читал курсы лекций по истории Киевской и Московской Руси, русской общественной мысли, вел семинары о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Весь англоязычный мир знает русскую историю XVI–XVII вв. в интерпретации Н.Е. Андреева: он является автором статей в знаменитой энциклопедии «Британника»: «Иван Грозный», «Ермак Тимофеевич», «Курбский», «Строгановы», «Земский Собор», «Федор I», «Борис Годунов», «Федор II», «Смутное Время», «Василий IV Шуйский». Он также написал две главы в *Cambridge Companion to Russian Studies* (Пособие по изучению русской истории и культуры).

Н.Е. Андреев принимал живое участие в культурной и научной жизни послевоенной эмиграции. Он регулярно печатался в русской зарубежной периодике («Новый журнал», «Возрождение», «Новое русское слово», «Русская мысль», «Посев», «Грани» и др.), поддерживал

⁵ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V.M. Zenzinov Papers. Box. 33. Files: DP's Correspondence (G-I).

⁶ Там же.

постоянные контакты с представителями эмигрантских общественных кругов в разных странах. Его публикации в журналах и газетах солидаристов отличались взвешенностью и научной постановкой вопросов, а выступления и доклады на «посеовских» конференциях во Франкфурте-на-Майне характеризовались академичностью и в то же время увлекательностью, темпераментностью и тем неповторимым у русских ученых огнем, с которыми отстаивается правота своих научных убеждений. «Тем замечательнее в каждой его работе заново проявляемая строгость к себе, выверенность каждого шага, осторожность и точность формулировок, воздержание от преждевременных обобщений, внимание к доводам противников, отсутствие всякой горячности в полемике»⁷.

Историк Н.Е. Андреев стоял у истоков эмигрантоведения – синкретической науки об истории и теории русской эмиграции XX века. Он одним из первых оценил вклад в эмигрантоведение труда В.С. Варшавского «Незамеченное поколение»⁸ и опубликовал большую и объективную рецензию на первое издание знаменитой книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании»⁹. В известном сборнике «Русская литература в эмиграции» (под редакцией историка философии Н.П. Полторацкого), Андреев выдвинул термин «русская эмигрантика» для обозначения всех источников и литературы о русской эмиграции вне зависимости от научной или практической области деятельности, отметив рост удельного веса и значения эмигрантики за рубежом, а также провидчески предсказав «эпоху открытия внутрирусским читателем»¹⁰ наследия отечественной эмиграции¹¹. Уже в конце жизни Н.Е. Андреев опубликовал фундаментальную, итоговую статью «О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год» в сборнике «Одна или две русские литературы»¹².

Интересно, что ученый-эмигрант Н.Е. Андреев был хорошо известен в СССР. На родине на его работы ссылались и писали рецензии знаменитые историки допетровской России: В.Т. Пашуто, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, С.Я. Лурье, Н.Н. Масленникова и др., со многими он состоял в переписке. Автор данной статьи услышал имя Николая Ефремовича Андреева от своего преподавателя истории доктора исторических наук, профессор Ленинградского государственного института культуры Натальи Николаевны Масленниковой (1927–2010) в 1986 г. Она в течение многих лет не только переписывалась с профессором из

⁷ Вейдле 1971 С. 283.

⁸ Андреев 1956. С. 4-5.

⁹ Андреев 1957. С. 164-176.

¹⁰ Андреев 1972(б). С. 31.

¹¹ Широкое распространение термин «эмигрантика» получил после 2009 г. благодаря появлению сайта филолога О.А. Коростелева (<http://emigrantika.ru>)

¹² Андреев 1981. С. 91-102.

Кембриджа, но и посылала ему книги по истории псковской земли. Уникальный случай, но эмигранта Н.Е. Андреева даже печатали на родине. В 1962 г. Пушкинской дом опубликовал его статью «Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного»¹³. В том же номере увидела свет развернутая рецензия Н.Н. Масленниковой на статью Н.Е. Андреева «Филофей и его послание Ивану Васильевичу»¹⁴.

Н.Е. Андреев быстро стал известным и признанным ученым в западном мире. Именно он поставил, образно выражаясь, «точки над и», в двух научных спорах. Первая дискуссия развернулась в эмигрантской среде вокруг выдвинутой на страницах «Социалистического вестника» меньшевиками Е. Юрьевским (псевдоним Н.В. Вольского) и П.А. Берлиным концепции о политической идентичности и тождественности «Третьего Рима» с Третьим интернационалом, что позволило им объявить Россию извечным носителем идеи мирового господства империализма. Основанием для этого послужили письма монаха Елизаровского монастыря под Псковом Филофея, в которых дана ставшая знаменитой в XIX в. формула «два Рима пали, третий Рим (Москва) стоит, а четвертому не бывать». Это чисто религиозная, православная идея старца провинциального псковского монастыря не получила никакого распространения в XVI в. Только в XIX–XX вв. старцу Филофею стали приписывать создание комплекса идей и чувств, якобы отражавших сущность русской природы и веками питавших русский империализм, а затем и коммунистическую экспансию. По мнению профессиональных борцов с «извечным российским империализмом», из Московской Руси и пришла в СССР идея мировой революции – как известного стремления Москвы к мировому господству. Против этой антинаучной гипотезы выступил известный историк профессор Йельского университета Николай Иванович Ульянов, который убедительно в статье «Комплекс Филофея» доказал подложность русофобской теории. В среде профессиональных историков, читавших публицистические произведения старца Филофея, аргументация Н.И. Ульянова нашла поддержку, а вот публицисты в особенности левых убеждений были неприятно удивлены. В защиту своих убеждений левые использовали традиционный прием – обсуждение не сути вопроса, а личности диспутанта. Как всегда, политика стала побеждать науку. Дискуссия принимала более широкий характер, и в качестве арбитра был призван Н.Е. Андреев. Сотрудников «Социалистического вестника» он устраивал, так как его дядя Николай Николаевич Андреев был видным меньшевиком, и Николая Ефремовича они знали с детства. Н.И. Ульянов признавал высокий научный авторитет специалиста в истории Псковской земли XVI века. После личной

¹³ Андреев 1962. С.117-148.

¹⁴ Масленникова 1962. С. 569-581.

переписки с участниками дискуссии Н.Е. Андреев сделал вывод о тенденциозности меньшевиков, отсутствии какой-либо работы над источниками и совершенной публицистичности их доводов. Будучи профессиональным историком и специалистом именно в псковской истории XVI в., Андреев писал, что, якобы существовавшая мессианская теория «Москва – Третий Рим», не имеет исторической базы и является публицистической подменой этой идеи авторами XX века. Он посвятил этой научной проблеме фундаментальную статью «Филофей и его послание Ивану Васильевичу»¹⁵. Через несколько лет Н.И. Ульянов переопубликовал «Комплекс Филофея» в сборнике «Свиток»¹⁶, а Н.Е. Андреев в рецензии на сборник повторил свои аргументы и выводы.

Второй раз Н.Е. Андреев выступил арбитром, когда развернулась дискуссия о подлинности переписки между царем Иваном Грозным и князем Андреем Курбским. Она появилась, когда американский славист Эдуард Кинан в 1971 г. в книге «Апокриф Курбского – Грозного: происхождение “переписки”, приписываемой князю А.М. Курбскому и царю Ивану IV» выдвинул предположение, что письма Ивана IV Грозного и боярина А.М. Курбского были подделкой 1620-х гг. князя С.И. Шаховского. Э. Кинан обнаружил, что в первом послании Курбского процитированы два редких источника: так называемый «Плач» монаха Исайи Каменец-Подольского и его же «Жалоба», которые, как он утверждал были написаны одновременно и уже после появления первого письма Курбского. За эту работу Гарвардский университет в США присудил американскому ученому премию Т. Вильсона первой степени.

Против предположения Э. Кинана выступили советские историки, в особенности Р.Г. Скрынников. Лучший специалист в истории России XVI–XVII вв., специально написал ряд критических статей и рецензий и даже монографию «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана» (1973). Ленинградский историк доказал, что «Жалоба» написана раньше «Плача» и оба произведения имеют общего предшественника, которого и цитирует А.М. Курбский. Полемика, инициированная американским историком, приобрела международный масштаб.

И снова решающее слово осталось за Н.Е. Андреевым. За несколько лет до описываемых событий Э. Кинан защитил диссертацию на тему «Москва и Казань, 1445–1552: исследование о “степной” политике» под руководством украинского историка О. Прицака в Кембриджском университете? и поэтому лично знал Николая Ефремовича. Андреев написал статью «Мнимая тема»¹⁷? в которой, независимо от Скрынникова, доказал, что не князь Курбский заимствовал сюжеты из

¹⁵ Andreyev N. P. 1—31

¹⁶ Андреев 1973. С.233-241.

¹⁷ Андреев 1972(а). С. 258-272.

текста «Плача Исаяи Каменец-Подольского», а наоборот, тем самым разрушив, краеугольный камень гипотезы Э. Кинана.

В 1953 г. Н.Е. Андреев написал для сборника НТС «Обновленная Россия» научную статью «Переяславский договор»¹⁸, направленную против украинских фальсификаторов истории, для которых уже более 100 лет «Переяславская рада» была своеобразной «красной тряпкой». В статье убедительно доказывается, что никакого договора не было, а казаки и население Малороссии целовали крест на верность русскому царю, т.е. становились подданными без каких-либо условий. Профессионализм сказался и в том, что он не только проанализировал источники, но благодаря виртуозному анализу украинской историографии, прежде всего М.С. Грушевского, показал, что историки-сепаратисты прекрасно осведомлены об истинных обстоятельствах событий. Великолепно характеризуют статью Андреева две цитаты. Первая про местную элиту XVII в.: «Самым отрицательным в этом эгоизме казацкой шляхты была ежеминутная готовность пожертвовать народом и страной во имя личного честолюбия и кружковых интересов»¹⁹. Вторая выявляет позицию автора: «Известно, что выученики Киево-Могилевского коллегиума, превратившегося в 1694 г. в Киевскую Академию, прочно вошли в историю развития великорусской и российской культуры, достаточно назвать имена Епифания Смотрицкого, Симеона Полоцкого, Милетия Смотрицкого, св. Дмитрия Ростовского, наконец, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Факт этот также является опровержением самостоятельной ереси о враждебности культур – великорусской и украинской, которые на самом деле перешли в этот период к созданию общей российской культуры в рамках единого Российского государства»²⁰.

В конце жизни Н.Е. Андреев очень болел, он почти потерял зрение, но диктовал свои прекрасные мемуары «То, что вспоминается», умер он 25 февраля 1982 г. Закончим статью словами хорошо его знавшего философа Р.Н. Редлиха: «Жизненный путь Н.Е. Андреева – это путь русского – сохранившего верность России – ученого-историка за рубежом»²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V.M. Zenzinov Papers. Box. 33. Files: DP's Correspondence (G-I).
- Андреев Н. Заметки о журналах. «Новый журнал». Книжки 37-42 // Русская мысль. 1956. 24 янв. С. 4-5.
- Андреев Н. Иван Грозный и иконопись XVI века // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1938. Vol.10. С. 185-200.

¹⁸ Андреев 1953. С. 65-112.

¹⁹ Андреев 1992. С. 214.

²⁰ Там же С. 216.

²¹ Редлих 1982. С. 63.

- Андреев Н. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1936. Vol. 8. С. 259-278.
- Андреев Н. Литература в изгнании // *Грани*. 1957. №33. С. 164-176.
- Андреев Н. Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1935. Vol. 7. С. 228-244.
- Андреев Н. Мнимая тема (О спекуляциях Э.Л. Кинана) // *Новый журнал*. 1972(а). №109. С. 258-272.
- Андреев Н.Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // *Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом)*. 1962. Т. 18. С. 117-148.
- Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) // *Русская литература в эмиграции*. Питтсбург, 1972(б). С. 15-38.
- Андреев Н.Е. О «Деле дьяка Висковатого» // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1932. Vol. 5. С. 191-241.
- Андреев Н.Е. О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // *Одна или две русских литературы?* Lausanne, 1981. С. 91-102.
- Андреев Н.Е. Переяславский договор // *Обновленная Россия*. Вып. 1. Франкфурт н/М., 1953. С. 65-112.
- Андреев Н.Е. Переяславский договор // *Грани*. 1992. №165. С. 179-217.
- Андреев Н. «Свиток» Н.И. Ульянова // *Новый журнал*. 1973. №113. С.233-241. Рец. на кн.: Ульянов Н. Свиток. Нью Хэвен: Киннипиак, 1972. 223 с.
- Андреев Н. Сирий // *Новь*. 1930. октябрь. С. 6.
- Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллинн, 1996. Т. I. С. 292.
- Вейдле В. Об исторических трудах Н.Е. Андреева // *Новый журнал*. 1971. № 105. С. 282-286.
- Масленникова Н.Н. К истории создания теории «Москва – Третий Рим» // *Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом)*. 1962. Т. 18. С. 569-581.
- Редлих Р. Н.Е. Андреев // *Посев*. 1982. № 4. С. 63.
- Andreyev N. Filofey and his Epistle to Ivan Vasilyevich // *Slavonic and East European Review*. 1959. Vol. 38. P. 1-31.

REFERENCES

- Andreev N. Zametki o zhurnalax. «Novyj zhurnal». Knigi 37-42 // *Rus. my'sl'*. 1956. 24 yanv. S. 4-5.
- Andreev N. Ivan Groznyj i ikonopis' XVI veka // *Seminarium Kondakovianum*. – Прага, 1938. Vol.10. S. 185-200.
- Andreev N. Inok Zinovij Otenskij ob ikonopochitanii i ikonopisanii // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1936. Vol. 8. S. 259-278.
- Andreev N. Literatura v izgnanii // *Grani*. 1957. №33. S. 164-176.
- Andreev N. Mitropolit Makarij, kak deyatel' religioznogo iskusstva // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1935. Vol. 7. S. 228-244.
- Andreev N. Mnimaya tema (O spekulyacijax E'L. Kinana) // *Novyj zhurnal*. 1972(a). № 109. С. 258-272.
- Andreev N.E. Ob avtore pripisok v licevyx svodax Groznogo // *Trudy' otdela drevnerusskoj literatury' / IRLI (Push. Dom)*. 1962. Т. 18. S. 117-148.
- Andreev N. Ob osobennostyax i osnovny'x e'tapax razvitiya russkoj literatury' za rubezhom (Opyt postanovki temy) // *Russkaya literatura v e'migracii*. Pittsburg, 1972(b). S. 15-38.
- Andreev N.E. O «Dele d'yaka Viskovatogo» // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1932. Vol. 5. S. 191-241.
- Andreev N.E. O nekotoryx faktorax razvitiya zarubezhnoj vetvi russkoj literatury' s 20-go po 40-j god // *Odna ili dve russkix literatury'?* Lausanne, 1981. S. 91-102.
- Andreev N.E. Pereyaslavskij dogovor // *Obnovlennaya Rossiya*. Vy'p. 1. Frankfurnt n/M., 1953. S. 65-112.
- Andreev N.E. Pereyaslavskij dogovor // *Grani*. 1992. №165. S. 179-217.

- Andreev N. «Svitok» N.I. Ul'yanova // *Novyj zhurnal*. 1973. № 113. S. 233-241. Rec. na kn.: Ul'yanov N. Svitok. N'yu Xe'ven: Kinnipiak, 1972. 223 s.
- Andreev N. Sirin // *Nov'*. 1930. oktyabr'. S. 6.
- Andreev N.E. To chto, vspominaetsya: Iz semejny'x vospominanij Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982). Tallinn, 1996. T. I. S. 292
- Vejdle V. Ob istoricheskix trudax N.E. Andreeva // *Novyj zhurnal*. 1971. № 105. S. 282-286.
- Maslennikova N.N. K istorii sozdaniya teorii «Moskva – Tretij Rim» // *Trudy' otdela drevne-russkoj literatury' / IRLI (Push. Dom)*. 1962. T. 18. S. 569-581.
- Redlix R. N.E. Andreev // *Posev*. 1982. № 4. S. 63.
- Andreyev N. Filofey and his Epistle to Ivan Vasilyevich // *Slavonic and East European Review*. 1959. Vol. 38. P. 1-31.

Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; *bazanovpn@list.ru*

Professor N.E. Andreev and his contribution to the study of Russian history and culture

The article reconstructs the milestones of life and work of an outstanding Russian émigré historian and literary critic, Nikolai Efremovich Andreev. Particular attention is drawn to the historical and cultural studies by N.E. Andreev and to his contribution to the history of emigration. The author demonstrates the influence of Andreev's works on contemporary scholarship. It is shown that the works by N.E. Andreev are relevant historical knowledge. The article presents new documents from the Bakhmetev archive.

Keywords: N.E. Andreev, Russian emigration, history, Kondakov Institute, Cambridge University

Peter Bazanov, *Dr.Sc. (History)*, Professor, the St. Petersburg State Institute of Culture; *bazanovpn@list.ru*